

Автор Неизвестен

**Библиотека всемирной
литературы**

Том 10. Калевала

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-34
ББК 82
А22

Автор Неизвестен
А22 Библиотека всемирной литературы: Том 10. Калевала / Автор Неизвестен – М.: Книга по Требованию, 2021. – 586 с.

ISBN 978-5-458-42831-6

«Калевала» — народный эпос, собранный в российской Карелии, скомпонованный и как бы воссозданный Элиасом Лённротом, демократический в своей основе, подобный «Иллиаде» и «Одиссее» по характеру своего возникновения и помогавший народам Карелии и Финляндии благодаря неисчерпаемому богатству и свежести речи своей и при помощи мудрых усилий сына народа Лённрота выработать современный финский литературный язык. «Калевала» — это великий и цельный памятник народного творчества. Вечно молодой старец Вийнямейнен — любовь и надежда простого народа, «работающий для блага грядущих поколений». Во множестве народных рун он отразился именно таким. Вступительная статья Мариэтты Шагинян, перевод с финского Л. Бельского. Иллюстрации А. Галлен-Каллелы.

ISBN 978-5-458-42831-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КАЛЕВАЛА

I

Свыше ста лет назад по глухим деревушкам российской беломорской Карелии бродил страстный собиратель народных песен — рув. И манерами и одеждой он мало отличался от крестьян. Современники описывают его неуклюжим и добродушным человеком в длинном сюртуке из грубого сукна, в дешевой крестьянской обуви, с багрово-красным, обветренным от постоянного пребывания на свежем воздухе лицом. На портрете он уже старик — весь в крупных, натруженных морщинах, лучами расходящихся вокруг больших, прекрасных, полных доброты и сердечного простодушия глаз. Человек этот, доктор Элиас Лёнирот, вышел из финской крестьянской семьи. Отец его, деревенский портной, был так беден, что мальчику приходилось и в пастухи наниматься, и с сумою ходить по большим дорогам.

Вспоминая детство, Лёнирот говорит о себе:

Я учился только дома,
За своим родным забором,
Где родимой прялки пела,
Стружкой пел рубанок брата,
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке.

(«Калевала», руна 50-я)

Но если у прялки и рубанка маленький Лёнирот учился пению, у отца ему пришлось пройти суровую школу ремесла. Отец хотел сделать из него такого же, как сам он, деревенского портного. Однако будущий создатель эпоса «Калевалы» портным не стал. Еще маленьким мальчиком, для того чтобы приготовить свои школьные уроки без помехи, он просыпался до свету, брал учебники и залезал на дерево, где и занимался до той поры, пока не просыпалась деревня и не начинались вокруг него утренние деревенские шумы.

Сохранился рассказ о том, как одна из соседок Лённоротов будила своих детей: «Вставайте, Лённорот давно уже слез с дерева со своими книжками!»¹

Ценою великого и упорного труда, всевозможных лишений, сурового терпения и настойчивости Лённорот добился высшего образования и получил звание врача-хирурга, а позднее стал одним из крупнейших филологов своей родины. Глубокое знание крестьянского быта и характера, страстный интерес к народному творчеству влекли Лённорота к странствованиям по родной земле, к собиранию памятников народной поэзии.

Он шел в глухне, болотистые, подчас едва проходимые дебри Карелии, доходил до берегов Ледовитого океана, жил в нищих избах карельских крестьян, питавшихся в голодные годы лепешками из сосновой коры, ночевал в лапландских юртах на оленьей шкуре, коротая с лапландцами долгую, темную полярную ночь и делия с ними скудную их пищу, такую скудную, что подчас и соль была у них роскошью. Разложив на коленях, на деревянной дощечке, которую он всюду брал с собой, свои письменные принадлежности, Лённорот записывал народные сказания, выискивая стариков, знаменитых на деревне своим исполнением рун. В то же время во всех этих скитаниях Лённорот не был праздным человеком в глазах крестьян. Профессионально он отнюдь не прожил свой век «только» фольклористом, филологом и этнографом. Лённорот долго работал окружным врачом в глухом провинциальном городке Каявы; он тотчас при вспышке холеры в Финляндии уехал как врач «на холеру» и, борясь с эпидемией, самоотверженно оказывая помощь больным, сам заразился и переболел холерой. Во время своих скитаний он нес крестьянам врачебную помощь, а работая врачом, не пренебрегал и своим отличным знанием кройки, полученным от отца: по просьбе крестьян частенько, например, заменял хирургические ножницы обыкновенными портняжными, раскраивая материю под крестьянское платье. Да и свою одежду, тот самый «грубый сюртук», о котором писали современники, Лённорот кроил и шил сам.

В сороковых годах прошлого столетия в Финляндии официальным языком в школе и в литературе был шведский. Но пробуждавшееся у передовых общественных деятелей национальное самосознание заставляло их прислушиваться к тому языку, на котором говорил с древних времен народ, говорило крестьянство. И эти передовые деятели буквально «открывали» для себя и родной народ, и его язык.

Еще в двадцатых годах издатель еженедельной газеты в финском городе Або Рейнгольд Беккер начал печатать в своей газете записи народных рун, певшихся крестьянами. Губернский врач Захария Топелиус издал в 1822—1836 годах несколько записанных им рун. Финское студенчество и передовая часть интеллигенции с огромным интересом встретили это обращение к народному творчеству.

¹ В. А. Гордлевский. Памяти Элиаса Лённорота. М., 1903, с. 8. Отгиск из журнала «Русская мысль», кн. V, 1903.

Топеллус первый заметил, что искать надо руны на востоке, в российской Карелии, Viëna, как ее называют финны, среди общительных, живых, веселых тружеников, карельских крестьян. Беккер первый высказал догадку, что древние руны — это разрозненные части первоначального целого, связанные общностью темы и героев. И Элиасу Лённроту в его странствиях по глухим карельским деревушкам часто приходилось вспоминать эти два указания его предшественников.

Российская Карелия — древняя Олония, в самом имени которой для нас заложено множество волнующих исторических воспоминаний Петровской эпохи, — была, да и сейчас осталась, страной исключительных поэтических народных дарований. Именно среди восточных карелов зародились и выношены были творческой связью из поколения в поколение чудные древние руны о стране богатыря Калевы, о приключениях его сыновей, о мудром старом песнопевце Вяйнямйёнене, о молодом чудодее-кузнеце Ильмаринене, о веселом бабьем угоднике и несправном драчуне и забияке Лемминкяйнене, о злой старухе Лоухи, хозяйке северной страны Пёххёлы и матери красивых дочек, за которых сватались герои «Калевалы», и о многом другом, поражающем воображение слушателя.

Вдохновенно-прекрасные и в то же время удивительно точные картины северной природы; тонкий рисунок человеческих характеров — от маленькой девочки-рабыни, «наймычки из деревни», до легкомысленной красавицы из богатого дома — Кюллики, от насмешливого запечного мальчишки, вставляющего свое острое слово в свадебные причитания взрослых, до «верховного бога» Укко, созданного фантазией народной по образу и подобию деревенского деда; поистине потрясающие сцены разыгравшихся стихий — мрак, мороза, ветра, сцены открытия железа, начала сваривания железной руды в железо и сталь, выковывания первых предметов труда, наконец, полная глубокого смысла центральная эпопея создания мельницы-самоделки, чудесного Сампо, приносящего народу благоденствие, — обо всем этом пели руны из века в век, преимущественно в российской Карелии, где их услышал и записал Элиас Лённрот.

Совершив свое первое путешествие в 1828 году, он повторил его в 1831 году, выйдя на границу тогдашней российской Карелии, затем продолжил в 1833 году уже в самой российской Карелии и, наконец, увенчал в 1834 году наиболее удачным и плодотворным сбором рун в округе Вуоккинеми тогдашней Архангельской губернии (ныне Калевальский район Карельской АССР), где познакомился с восьмидесятилетним старцем Архипой Пёрттунемом, «патриархом певцов рун», певшим для него много песен и рассказавшим ему, как дед его со своим другом рука об руку пели руны у костра все ночи напролет... Как счастлив был Элиас Лённрот, слушая этого старика, так отчетливо помнившего старые песни! Чем быстрее бежало его перо по бумаге, тем явственнее проступали перед собирателем рун общие для всех них черты и темы, словно бродил он между драгоценных обломков разбившегося когда-то единого целого. И вот уже творческая фантазия собирателя, живое

воображение сына народа, делившего со своим народом с детских лет его простую и тяжкую судьбу, начали само собой складывать и связывать эти обломки, составлять из них единую эпопею.

Лённрот не сразу опубликовал «Калевалу». Он издал сперва в 1835 году всего 32 руны (12 078 стихов). То был еще не совершенный, как бы черновой набросок будущего эпоса. Спустя четырнадцать лет он добавил к нему 18 рун, изменил чередование отдельных рун и строф, и в таком виде (50 рун — 22 795 стихов) «Калевала» была закончена в феврале 1849 года. Она вышла в декабре того же года, и это явилось событием не только для финского народа: «Калевала» как бессмертный памятник народного творчества вошла в сокровищницу мировой литературы. Свежесть и своеобразие мира, открывшегося в «Калевале», захватили читателей многих стран, где появились переводы этого замечательного эпоса.

Огромное впечатление произвела «Калевала» и у нас в России. Передавая русская интеллигенция с сердечным сочувствием и вниманием следила за пробуждающимся в Финляндии интересом к языку и творчеству народа. Когда появилось первое издание «Калевалы», русский ученый Я. К. Грот перевел несколько рун и в 1840 году напечатал их в «Современнике». Была сделана попытка (правда, неудачная) перевести «Калевалу» языком русского былинного эпоса (Гельгрэн); в сокращенном изложении издал «Калевалу» на русском языке Гранстрем; знакомил русского читателя с «Калевалой» и Ф. И. Буслаев. Но по-настоящему узнал русский читатель «Калевалу» лишь тогда, когда ученик Буслаева, филолог Л. П. Бельский, перевел ее со второго издания Лённрота. Труд Бельского был высоко оценен: ему была присуждена малая Пушкинская премия. Перевод вышел в конце восьмидесятых годов, а через двадцать пять лет, значительно исправленный, он был снова переиздан¹. Несмотря на оставшиеся и после исправления ошيبки и неточности, этот труд Бельского не потерял своего значения и теперь.

Русскому читателю восьмидесятых и девяностых годов «Калевала» не только открывала мир высокой поэзии и огромной художественной силы: «Калевала» была голосом народа, рвавшегося к национальному самосознанию, искавшего в прошлом моста к будущему. Именно так прочитал в те годы «Калевалу» великий русский писатель Алексей Максимович Горький.

Трудно переоценить впечатление, полученное им от «Калевалы». Горький не раз и не два упоминает об этом эпосе на протяжении всей своей жизни. Он пишет о нем в 1908 году: «...Индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале...»². Он называет «Калевалу» в 1932 году «мону-

¹ «Калевала». Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. В советское время «Калевала» в переводе Л. П. Бельского появлялась в печати неоднократно: в издательстве «Academia» в 1933 г., в Карело-Финском Государственном издательстве в Петрозаводске в 1940 г. и в 1956 г., в Гослитиздате в 1949 г. и в 1956 г.

² «Очерки философии коллективизма», сборник первый. «Знание», 1909.

ментом словесного творчества»¹. Он сравнивает ее в 1933 году с бессмертными созданиями античной греческой скульптуры: «Грубый материал, но древние греки создали из него образцы скульптуры, все еще не превзойденные по красоте и силе... «Калевала» и весь вообще эпос создан тоже на грубом материале»².

Горький упоминает о «Калевале» и во втором томе «Клима Самгина», уже в последнее десятилетие своей жизни: «Самгин вспомнил, что в детстве он читал «Калевалу», подарок матери; книга эта, написанная стихами, которые прыгали мимо памяти, показалась ему скучной, но мать все-таки заставила прочитать ее до конца. И теперь, сквозь хаос всего, что он пережил, возникали эпические фигуры героев Суоми, борцов против Хийси и Лоухи, стихийных сил суровой природы, ее Орфея Вайямейнена, сына Илматар, которая тридцать лет носила его во чреве своем, веселого Лемминкяйнена, — Бальдура финнов, Илмаринена, сковавшего Сampo, сокровище страны».

Через десятки лет пронес Горький память об этих эпических героях, заставив их ожить в воображении Самгина именно тогда, когда тот очутился среди реальной природы, одинаковой и для Финляндии и для Карелии. И дальше, на той же странице, коротенькое — в три строчки — не столько описание, сколько ощущение этой северной природы, показывающее, как крепко и нежно запомнил ее сам писатель: «Удивительна была каменная тишина темных, лунных ночей, странно густы и мягки тени, необычные запахи...»

Вот так, с живым народом, на реальной земле, воспринимал Горький бессмертные образы эпоса, показывая и нам верный путь к пониманию народного эпического творчества.

Почти одновременно с великим русским художником, лишь на три-четыре года раньше его первого высказывания о «Калевале», заложил научные основы понимания «Калевалы» и русский ученый, действительный член Академии наук СССР В. А. Гордлевский. Написанная в 1903 году небольшая, но содержательная работа его о Лённроте, отражающая настроения передовой части русской интеллигенции того времени, не устарела и сейчас³.

В. А. Гордлевский родился в Финляндии (в Свеаборге), он знал финский язык и был лично знаком со многими финнами — учеными и писателями. Различные взгляды на «Калевалу», высказывавшиеся в те дни и в Финляндии и у нас, были хорошо ему известны. Взгляды эти в основном делились на два течения, — и оба течения из XIX века перешли в XX, развиваются и высказываются и поныне. Для нас знакомство с этими взглядами интересно не только из-за самого предмета спора — поэмы «Калевала», национальной ценности и финнов, и народа Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Оно интересно для нас и тем, что вскрывает очень глубокие корни политического использования художественного наследства,

¹ «Наступление», 1932, № 2. Л., с. 1.

² «Год шестнадцатый». Заметки. М., 1933.

³ Уже упомянутая выше статья «Памяти Элиаса Лённрота».

влияния взглядов и социальной позиции ученого на, казалось бы, чисто научные выводы по таким далеким от всякой политики вопросам, как вопрос о давности происхождения и целостности эпической поэмы или вопрос о трактовке образа тех или иных ее героев.

Для одной группы ученых, продолжающих традиции Беккера, Топелиуса и Лённрота, «Калевала» — это великий и цельный памятник народного творчества. Образ ее героя Вайнямёйнена понимается ими в духе сказанного о нем Лённротом: «В этих рунах о Вайнямёйнене говорится обычно как о серьезном, мудром и полном провидения, как о работающем для блага грядущих поколений, всеведущем, могучем в поэзии и музыке герое Финляндии. Больше того, хотя его называют старым, однако возраст не очень мешает ему при сватовстве (при ухаживанье, *courting*)»¹.

Вечно молодой старец Вайнямёйнен — любовь и надежда простого народа, «работающий для блага грядущих поколений», это одна версия. Во множестве народных рун он отразился именно таким. И Лённрот, сын своего народа, никогда не отрывавшийся от него не только в мышлении, но и в труде и в жизни, — слил эти разбросанные по рунам черточки в один образ, дал им преобладающее значение. Лённрот сам был народным певцом, когда создавал из разнородных рун одно целое. После того как «Калевала» была напечатана, читатель получил в руки памятник народного творчества, уже неделимый и неразнимаемый по частям, поскольку его целостность — дело индивидуального творчества Лённрота. Хотя противоречия и многослойность рун (по времени их создания) и не были сглажены или уничтожены Лённротом, — но в этом кажущемся поэтическом конгломерате читатель воспринимает великое внутреннее единство. Эпос вращается почти всеми своими лучами-рунами вокруг одной темы — вокруг борьбы за таинственное Сампо, в котором олицетворено благосостояние народа. Каждый образ поэмы, помимо центрального, Вайнямёйнена, — живет своей яркой индивидуальной жизнью. Насколько вообще органичен этот памятник, где слиты воедино творчество народа и талант сына народа, Лённрота, — доказывает сильнейшее воздействие «Калевалы» на поэзию других стран. Она вызвала к жизни знаменитую поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате», ритм и язык, строфика и образность которой в огромной степени определены влиянием «Калевалы» Лённрота.

Для ученых, рассматривающих «Калевалу» именно как памятник, цельность которого спаяна еще и самим временем, — происхождение его рун тоже не представляет сомнений. Они видят доминирующее начало именно в тех рунах, которые полны деталями эпохи родового строя и, следовательно, зародились еще в глубокой древности. Такой крупный прогрессивный финский ученый, как профессор Вайно Кауконен, изучая, например, отдельные, не вошедшие в «Калевалу» руны, отнюдь не стремится распатать единство

¹ Перевожу с английского издания труда современного финского исследователя рун профессора Мартти Хаавио: «Väinämöinen eternal sage», «Porvoo-Helsinki», 1952, с. 5.

собранный и созданный Лёниротом памятника. Исследования его идут в направлении общечеловеческих мифологем в рунах, их сказочно-легендарного богатства, присущего многим народам. Он прислал мне, например, в 1955 году интереснейшую обширную запись финской народной руны об эпическом богатыре «Калевалы» кузнеце Ильмаринене, похожей на запись кавказской легенды об Амиране-Прометее, закованном в кавказскую скалу... Руна эта, несомненно перекликающаяся и с образом Прометея, и с образом Мге-ра,— расширяет содержание образа Ильмаринена, но не посягает на тот характер этого героя «Калевалы», каким он изображен в поэме Лёнирота.

Иное мы видим у представителей второго течения. Для них сказочное творчество народа в рунах, всегда имеющее морально-смысловой характер и выражающее жизненные чаяния и мечты народа, не представляет интереса. Они обращают весь пыл своих исследований на историческую сторону, причем выдвигают как основные именно те руны, которые несут на себе черты средневековья. Отсюда теории аристократического происхождения рун, их близости не к восточной Карелии (Viena), а к шведскому Западу, к эпохе викингов. Для ученых, придерживающихся таких взглядов, руны — это порождение феодального замка, детище придворных певцов. «Сампо» — не имеет ничего общего с народным благосостоянием, а поход за ним в Похъялу — это «крестовый» поход на остров Готланд (концепция К. Крона, видящего во всех героях «Калевалы» исторических викингов и так рассматривающего поэму в своей работе «Калевала» и ее раса). Подчеркиваются, с помощью этимологического разбора отдельных слов, скандинавские элементы в рунах, а нахождение их именно в русской Карелии приписывается эмиграции туда западных финнов в средние века. Даже в блестящей работе Мартти Хаавио, цитированной мною выше, где сравнительная часть (анalogии с греческими и другими древними мифами, изложение космогоний и т. д.) читается с огромным интересом, отрыв карельских и финских рун от их народного, жизненного содержания и абстрактный метод изучения их, к сожалению, очень силен.

Вот почему беспристрастное слово большого русского ученого, хорошо знавшего финскую литературу,— слово, высказанное им свыше полувека назад, приобретает для нас особо важное значение. Я приведу длинную цитату из упомянутой мною выше работы В. А. Гордлевского, сразу вносящую ясность в вопрос о «Калевале»:

«Что такое «Калевала»? Представляет ли она *народную поэму*, созданную пером Лёнирота, в духе народных певцов, или это искусственная амальгама, слепленная самим Лёниротом из разных обрывков?.. Лёнирот бережно сохранил все свои рукописи, и не так давно доцент А. Ниemi произвел кропотливое исследование, которое обнаружило, что огромное большинство стихов (по крайней мере 94%) вышло из уст народа. Может быть, греческий эпос созидался так же... В своей основе «Калевала» — *народное произведение, запечатленное демократическим духом*... Западное финское наречие, на которое в XVI столетии епископ Агрикола перевел Библию, потускнело от

общения с шведским языком, оно утратило, одним словом, силу и гибкость восточного карельского наречия. «Калевала», народная поэма, собранная главным образом в русской Карелии, так ярко выделилась своей звучностью от сухого, церковного языка, что у ее друзей возникла мысль избрать в светской литературе карельское наречие. Между приверженцами западного и восточного наречий возгорелся спор, который мог расколоть финский литературный язык на два различных диалекта. Разгадав тайники народного языка во всем его диалектическом разнообразии, Лённрот предотвратил распадение, искусно вводя меткие слова и формы из необъятного запаса, хранящегося в народе. От него идет современный финский язык, достигающий под пером Юхани Ахо художественной виртуозности¹.

Итак, «Калевала» — пародный эпос, собранный в российской Карелии, скомпонованный и как бы воссозданный Элиасом Лённротом, *демократический* в своей основе, подобный «Илиаде» и «Одиссее» по характеру своего возникновения и помогший народам Карелии и Финляндии благодаря неисчерпаемому богатству и свежести речи своей и при помощи мудрых усилий сына народа Лённрота выработать современный финский литературный язык.

Следуя за указаниями А. М. Горького и В. А. Гордлевского, обратимся теперь к страницам самой «Калевалы».

II

Перед нами разворачивается необычайный мир, полный первобытной прелести.

Северная его точка — мрачная страна Похьёла, где еще свежи черты древнего матриархата, материнского права: там царствует злая старуха Лоухи, хозяйка Похьёлы. Неподалеку от нее, под землей или под водой, лежит странное царство мертвых — царство Туони, Туонела, в черных реках которой люди находят свою кончину. Это — первобытное представление о «том свете», об аде.

Южная точка этих северных пространств — светлая страна Калевы, Калевала, где живут герои эпоса: старый, верный Вяйнямйнен, «вековечный песнопевец», кузнец Ильмаринен, весельчак Лемминкяйнен. Где-то, по бесконечным озерам-морям, лежат острова Саари, и на одном из них еще сохранился древнейший обычай родового строя — групповая любовь. Тут же, в чащобах могучих скал и лесов, среди водопадов и рек, живет род Унтамо, уничтоживший в братоубийственной войне род своего брата Калерво (чудесные руны о сыне Калерво, юноше Куллерво, проданном в рабство, и о его мести)...

Все это Север, но как разнообразен этот Север! Казалось бы, между Похьёлой и Калевалой не может быть географически очень большой разницы:

¹ В. А. Гордлевский. Памяти Элиаса Лённрота, с. 22—23 и 26. (Курсив везде мой.— М. III.)

тот же скудный растительный мир, тот же суровый северный климат. Но народные певцы находят целую гамму красок для оттенения разницы между ними.

Похтьёла и ее жители описываются так, что до вас как бы доносится ледяное дыхание полюса:

Приходи, о дочка Турьи,
Из Лапландии девица,
В лед и в иней ты обута,
В замороженной одежде,
Носишь с инеем котел ты
С ледяной холдной ложкой!..
Если ж этого все мало —
Сына Похтьёлы зову я.
Ты, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной,
Вышиной с сосну ты будешь,
Будешь с ель величиною,—
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы,
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс!
Снегу в Похтьёле возьми ты,
Льду в деревне той холодной!
Снегу в Похтьёле немало,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера,
Там застыл морозный воздух;
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят;
Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток
В снеговом живут потоке,
У порога ледяного.

(Пуна 48-я)

Но стоит только передвинуться от Похтьёлы в сторону Калевалы, как эта ледяная корка земли раскалывается. Шумные реки и водопады, озера, полные окуней и лещей, сигов и щук, веселые острова на озерах, покрытые зелеными рощами, и, наконец, самый лес с его непроходимыми топями и болотами, лес, где светятся гнилушки в старых пнях, где скачет искра, упавшая с неба, зажигая бушующие пожары, где

...росла сосна в лесочке,
Елка там была на горке,
Серебро — в ветвях сосновых,
Золото — в ветвях у елки.

(Пуна 46-я)

И где хозяин леса — добродушный, сговорчивый Тапио, а хозяйка леса — ласковая Мизлиikki, сама словно пахнущая земляникой и медом.

И вместо снежных медведей Похъёлы здесь скачет уже совсем другой мишка, вожделенный предмет охоты и в то же время любимый, уважаемый зверь, носящий следы тотемизма, родового культа, нежно называемый:

Отсо, яблочко лесное,
Красота с медовой лапой!

(Руна 46-я)

Хозяйка леса отправляет своего пушистого любимца на лесную, сладкую жизнь:

Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по роцам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.
Но идти велит пристойно,
Подвигаться осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Золотые дни лелея,
На полях и на болотах,
На полянках, полных жизни,
Башмаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываясь зимою
Под навесом из черемух,
Возле крепости иглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевельника объятьях...

(Руна 46-я)

Но когда этот любимец леса, Отсо с медовой лапой, понадобился сынам Калевы, добрая Мизэликки сама отдает его им. И охота на медведя описана в рунах так удивительно любовно, с таким теплым ощущением благоволения природы к человеку и уважения к убитому зверю, что читатель не сразу даже и понимает, идет ли речь о торжественном приводе живого мишки в гости к людям на свадьбу или о доставке в избу его туши.

Лес для героев «Калевалы» — не только лес и не просто лес: в нем заключено их будущее. Лес — это земля для посева. Кроме лесных чащоб да болот, в Карелии нет клочка земли, годного для обработки. Примитивное подсечное земледелие, когда подсекают, валят и сжигают лес, чтобы отвоевать у него пашню, заставляет жителя Калевалы тяжело трудиться и остро чувствовать важность леса. Ароматным запахом деревьев полна 44-я руна, где рассказывается, как Вийнямейнен, потерявший свой музыкальный инструмент — кантеле, — который он сделал из щучьих костей, решает изготовить новое кантеле, уже из дерева, и ведет беседу с березой. Светло-зеленое, с белым станом, кружевное дерево Карелии, березка, так и вошедшая в ботанику под названием карельской, жалуется на свою судьбу. Вийнямейнен спрашивает ее: